

Благодатное утреннее июньское солнце быстро растопило ночную прохладу. Поднимаясь выше и выше по небосклону, оно согрело воду в реке, радужно расцветило песчинки в дорожной пыли, раскрасило тёплыми акварельными красками лепестки цветков, поворачивающих ему навстречу горделивые головки, покачивающиеся в волнах пронизанного светом ветра. Несвязные ноты птичьего чириканья, прерывно доносящегося с разных сторон, постепенно распределились по высоте, выстроились в гармоничный музыкальный ряд, и слитный многоголосый птичий хор счастливо грянул оду новому дню. Эта неповторимая музыка становилась всё громче. Полнозвучная, она разливалась над просветлёнными полями, встрепенувшейся тайгой. Казалось, ликующая мелодия устремилась к высшей точке лазоревого, расшитого, как парча, золотыми нитями солнечных лучей небесного купола, бережно обнимающего пробуждающийся мир.

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ

В доме Анны Карнауховой все проснулись рано, кроме четырнадцатилетнего Мишки, который ночевал на сеновале.

Сама Анна уже и не помнила, когда нормально отдыхала. Сильнейшие боли не давали покоя ни днём ни ночью. Иногда в промежутках между

96

приступами ей удавалось забыться, но это случалось всё реже и реже. Она, ещё не старая женщина, жила вдвоём с сыном. Муж, прошедший всю войну, израненный, живого места на теле не было, пришёл с фронта и умер буквально через год: простыл на Ангаре и сил выжить не хватило. Дочери вышли замуж и разлетелись из дома, счастливые даже не от замужества, а от возможности освободиться от колхозного крепостного права и получить в сельсовете паспорт, который многие деревенские жители никогда не видели.

Не сказать, что от наличия паспорта им стало жить лучше. Заметных перемен не произошло. Та же работа и домашнее хозяйство, но уже вдали от родительского дома. Хотя сейчас они стали приезжать чаще.

Деревня Погодаева стояла на берегу Илима. Сорок домов вытянулись цепочкой вдоль реки, и только два или три стояли на отшибе. У Карнауховых собственного отдельного дома не было, ютились в прируб^{*} к добротному дому Харитины Перетолчиной. Но Мишку это не огорчало. Он любил своё жилище, находящееся на краю деревни. Летом прямо из окон мальчик любовался неоглядным полем поспевающей пшеницы, млеющим на щедром сибирском солнце. От малей-

^{*} Прируб – прирубленная второстепенная пристройка к основному зданию.

шего дуновения оно покрывалось рябью и становится похожим на перламутровое море. В своей недолгой четырнадцатилетней жизни Мишка – единственный из деревенских ребят – видел настоящее море: его, как лучшего ученика в районе, в прошлом году посылали в Артек.

Зимой он прямо со двора убежал на лыжах к Кулиге. Лыжно делал прямой, без изгибов и крутых поворотов, и почти каждый день нарезал по ней с десяток километров, тренируя тело и воспитывая волю. Мальчишка знал окрестности своей деревни на много вёрст вокруг. Знал, где водятся грузди и рыжики, где растёт крупная и сладкая, как мёд, малина. Ведал, куда и вовсе соваться не следует: можно встретиться с «хозяином тайги» и не факт, что сумеешь от него убежать.

Особенно он любил речку. Илим, бежавший к Ангаре, делавший столько поворотов, петель, зигзагов, что невозможно сосчитать, перед Погодаевой словно остепенялся, выравнивался, становился широким и полноводным, но сразу за деревней, ударившись в лоб Красного Яра, поворачивал почти на девяносто градусов и дальше продолжал петлять.

– Мила! – позвала Анна дочь.

– Что, мама?

– Разбуди Мишаню, пора.

Но Мишка уже входил в дом, успев поплескаться под умывальником во дворе.

– Здравствуйте всем, – степенно сказал мальчик сёстрам и матери, которую те уже привели в порядок: умыли, причесали, надели новую кофту и, усадив на кровати, пододвинули к ней стол, где стоял нехитрый деревенский завтрак.

Мать таяла на глазах. Дочери приехали, чтобы ухаживать за ней и, как говорили в деревне, «проводить по-людски». Чем-то страшным, необратимым веяло от этих слов, и Мишкино сердце сжималось от тоски и безнадёжности. Мила, родившая два месяца назад дочку, приехала из Иркутска, а Капа добралась из низовьев Ангары, где её муж работал в экспедиции.

Завтракали молча, украдкой поглядывая на мать, не желая даже взглядом напоминать ей о страшной болезни. Все, в том числе и она, знали, что болезнь эту не победить, но всё равно каждый надеялся на чудо.

Медсестра, которая приходила делать уколы, под большим секретом сообщила Мишке, что мама умирает и ему надо набраться терпения и му-

жественно пережить испытание. Тогда от неожиданности подросток выронил стакан чая, который подавал медсестре. Он хотел закричать на неё, оскорбить, унижить бранными словами, но сдержался, хотя не мог поверить услышанному. Да, он видел, что мать с каждым днём слабела, черты её лица заострялись. Большие синие глаза словно выцвели, светлые густые волосы, которые она заплетала в косу, поредели и почему-то потемнели. Ей было трудно говорить. Чистый, как родник, голос, который он так любил слушать, стал слабым, надтреснутым. Из груди вырывались не слова, а хрипы, она долго прокашливалась, вытирая губы платком. Маленькие руки с длинными тонкими пальцами пожелтели, кожа на них стала прозрачной, как пергамент. Но Мишка не хотел верить в худшее.

Мать никогда не была дородной, как большинство деревенских женщин. Для Мишки она была эталоном красоты. Среднего роста, худощавая, с правильными чертами лица: прямой нос с чуть заметной горбинкой, голубые глаза, роскошные пшеничные волосы. В колхозе мать не отказывалась ни от какой работы: была дояркой, жала хлеб, ухаживала за курами на ферме, пасла коров. Всё домашнее хозяйство, разумеется, было на ней. И при этом каторжном труде у неё были на диво красивые руки, лёгкая, стройная фигура, которую не могли скрыть даже телогрейка и сапоги. Наоборот, они только подчёркивали изящную женственную красоту.

Лучезарный взгляд матери всегда, даже в самые тяжёлые дни её жизни, светился добротой, рядом с ней было уютно и тепло. Некоторые деревенские бабы побаивались её. Вероятно, оттого, что она никогда не ругалась, как они, грязно, с криками и матом, призывая нечистую силу.

Мишка видел, как мужики заглядывались на эту красивую женщину, и тогда его охватывал страх. Он боялся, что в ней возникнет к кому-нибудь из них ответная заинтересованность – в глазах подростка-безотцовщины это было равносильно предательству. Некоторые приходили свататься, но мать всем отказывала, чему Мишка был несказанно рад и любил её ещё больше.

Мать говорила ему: «Ты у меня самый лучший мужичок...» – и прижимала его большую голову к груди, а он вдыхал такой родной, вкусный, привычный запах весеннего утра, исходивший от неё. Это же мама! Разве она может умереть? Одна мысль о том, что он останется без неё, приводила мальчишку в отчаяние. Пытаясь

во всём угодить больной матери, Мишка наивно надеялся, что однажды утром он проснётся и всё будет как прежде.

Во всеобъемлющем детском восторге перед красотой бытия он ещё не осознавал переживания чувственной любви. В душе подростка неподолгаемая тяга к матери была первым ростком этого благодатного чувства. Он учился у неё, как держать себя в присутствии старших, как вежливо всем отвечать, как сдерживать недобрые эмоции, хотя иногда так хотелось крикнуть огорчительные слова в лицо обидчику, чтобы они задели его за живое, унизили, причинили боль.

Улица всегда имеет влияние на детскую психику, улица – это своего рода школа жизни, где происходит первое узнавание и хорошего, и плохого. Конечно, встречи с ребятами оставляли след. След не всегда благой. Обожжённый злом, Мишка всегда залечивал раны рядом с мамой, она находила слова, которые утишали душевную боль, успокаивали маленькое взбунтовавшееся сердечко сына, ослабляли удушливые страсти.

Дом был местом, куда всегда хотелось прийти, прибежать, где можно было укрыться от всех невзгод. Там даже в суровые дни витало тепло неизбывной любви, согревающее, излечивающее, возрождающее. Мишка много разговаривал с матерью; обычно это было по вечерам, когда они гасили керосиновую лампу и под свет луны вели долгие беседы о жизни. Он даже не задумывался о том, как может неграмотная женщина знать так много. Её знания были той глубинной, передающейся из поколения в поколение исконной мудростью-любовью, которая была необходима Мишке, чтобы озарить мир внутренний, мир своей возрастающей души, и полюбить мир внешний – свою деревню, окрестные просторы и то, что за ними, то прекрасное, не имеющее названия, непостижимое, что пока не разглядеть, но чего так ждёт душа. И что уже грядёт.

Рассказы матери были образны, пронзительны, слова яркие, мысли убедительны в своей вековой народной праведности. У неё был дар рассказчицы, или, как сказали бы в старину, сказительницы. Если шёл разговор о людях, мальчишка по едва уловимым приметам в материнском рассказе узнавал их, если говорили о местности, матери хватало нескольких образов – и оживала Тушама или Россоха. Мишка не удивлялся этому, для него и не могло быть иначе.

Слова матери были для подростка открытием мира, в котором ему предстояло жить, без них окружающая жизнь, казалось, меркла, теряла правду. Он постоянно испытывал радость узнавания, не удивление, а именно радость. Это благодатное чувство озаряло всю его дальнейшую жизнь.

Конечно, Мишка понимал, что сёстры приехали не зря. Если бы мама могла вырваться из когтей смертельной болезни, вряд ли бы они оставили мужей и бросили неотложные дела. Как сказала соседка, приехали, чтоб проводить мать в последний путь.

А ему сейчас приходилось расставаться с любимой мамой. Мишку отправляли на областной пионерский слёт в Иркутск. Вот мать и уговорила его воспользоваться оказией и навестить старшего брата, что жил в Черемхово, шахтёрском городке в ста километрах от областного центра. Ранней весной тот приезжал в Погодаеву, тогда они с матерью и решили судьбу Мишки. Против поездки в Иркутск и Черемхово он не возражал, однако хотелось вернуться. Ему не представлялось жизни без мамы. Она убедила сына хотя бы лето прожить у брата, а там будет видно. На том и порешили – каждый со своей надеждой.

98 Мишка считал себя взрослым парнем, способным выполнить любую работу. Он предполагал вернуться домой к осени, чтобы продолжить учёбу, ухаживать за больной мамой, доить корову и делать за неё другие дела по хозяйству. Мать же рассчитывала, пока жива, устроить его судьбу, ведь не станет её – думать о нём будет некому, попадёт парень в детдом.

Завтрак окончился, сёстры собрали посуду, передвинули стол на место. Анна, устав от сидения за трапезой, прилегла, попросив Мишку присесть рядом с ней. Он сел, взял её руку, положив свои ладошки сверху и снизу, чтобы ей не было больно держать кисть на весу. Он с нежностью смотрел на родное лицо, говорить не было сил, к горлу подкатил комок слёз. Чтобы мама не заметила его слабости, Мишка осторожно положил её руку на одеяло и встал у окна, глядя вдаль.

Перед ним во всей своей могучей шири красовалось зелёное погодаевское поле. Пройдёт месяца два, и заколосится пшеница, каждое зёрнышко нальётся солнечными соками. Дивным в этом году будет урожай. Справа стена леса, который, простираясь на сотни киломе-

тров, уходит в поднебесную даль, сначала к Качинской сопке, затем к Шальновскому хребту, и дальше, и дальше, где Мишка никогда не бывал.

Слева навис Красный Яр – отвесная стена над рекой, он прикрывал деревню от северных ветров, был непробиваемым щитом.

– Ми-ша, – произнеся имя сына по слогам, позвала Анна.

Он опять сел на кровать, взглянув на мать, погладил её руку. И тихо жёсткими губами с запёкшейся корочкой прошептал:

– Прости меня, мама.

– Это ты меня прости, сынок, что не вырастила тебя.

– Опять ты, мама. Не надо. Уверен, что ты поправишься, я вернусь... Наверное, вообще зря уезжаю.

Мать внимательно посмотрела на любимого сына и улыбнулась, словно хотела подбодрить его.

– Отправляю тебя в такую даль... Береги себя по дороге, не выскакивай на станциях.

– Мама, ты ведь знаешь, что я через всю страну проехал, когда добирался в Крым.

– Тогда ты был не один, у вас вожатые были.

– Не бойся, мама, я буду внимателен.

Она взяла его руку, погладила, крепко прижала к своей щеке, горячей от слёз. Миша осторожно высвободил руку, взял платок и бережно отёр им лицо матери.

– Спасибо.

А слезы всё катились по её щекам, как струйки из горячего родника.

Сын молчал, смотрел на мокрое родное лицо, на покрасневшие глаза, понимая, что слова здесь не нужны. Ему самому захотелось кричать от нестерпимой боли, возникшей не только в груди, в сердце, но где-то глубже – в душе, хотя он не знал, что это такое. Миша встал на колени, положил голову на грудь матери; она гладила его тонкими холодными пальцами, пытаясь дотянуться поцеловать, но сил не хватало...

Еле слышно, как заклинание, звучали её непонятные сыну слова:

– Прости меня, прости...

К ним подошла Мила:

– Миша, нужно идти, самолёт ждать не будет.

Мальчик поднял голову, посмотрел в глаза матери, залюбовался её лицом. Она улыбнулась. Улыбка была, как и прежде, озаряющая, согревающая, обнадёживающая.

– Пора, сынок. Береги себя. Как приедешь, сразу напиши мне письмо, я буду ждать весточки.

Сын попытался что-то сказать, но не смог. И тогда так долго сдерживаемые слёзы всё-таки брызнули из глаз. Ему стало стыдно слабости, он выбежал в сени, за кадушкой с водой прижался к стене щекой и разрыдался.

Сестра бережно обняла его, утёрла слёзы:

– Не плачь, Миша, матери будет тяжело. Иди попрощайся.

Он снова вошёл в дом, подошёл к матери, поцеловал в губы, потом приник к её зябнущим рукам и, целуя их, прошептал:

– До свидания, мама!

– До свидания, – тихо ответила мать. – Будь осторожен, береги себя.

Мила взяла брата за плечи, но он не позволил ей развернуть себя спиной к матери. Неловко пятясь до самой двери, сын всё смотрел на родное лицо, на чуть приподнятую руку, на любимую добрую улыбку, которую видел в последний раз.

На воздухе подросток немного успокоился, пошёл в огород, дошёл до межи, отделяющей огород от колхозного поля, заметил, что на дороге, ведущей в лес, появились столбы пыли. «Значит, люди выехали работать», – мелькнула привычная мысль. Солнце поднялось над высокой Ждановской сопкой, стало пригревать. Всё вокруг было знакомо. Каждая тропинка и дорожка вели в заповедные места, где он познавал мир, собирал ягоды и грибы, возил копны сена на сенокосе, рыбачил, пас коров, с ребятами ездил в ночное. Вспомнилось, как у костра они вели долгие разговоры, пока пристальное ночное небо не убаюкивало мерцающей звёздной картиной, и они мгновенно засыпали – порой в тех же позах, в которых находились ещё минуту назад. Миша понимал, что всё это отрывалось от него, уходило в прошлое. Впереди ждал мир незнакомый, но в него очень хотелось войти. Не в кино, а наяву увидеть паровоз, трамвай, троллейбус, высокие дома, красивые улицы, нарядно одетых людей. Но одна мысль, что рядом не будет мамы, огорчала до такой глубины, что мечты вмиг исчезали и ему никуда не хотелось уезжать. Нить взаимной любви, связывающая их, была настолько прочной, что обрыв её для обоих казался смертельным.

– Мишаня, нужно ехать.

Мила взяла брата за руку и повела по проулку к реке. Пройдя несколько шагов, он вдруг явственно услышал голос матери: «Миша...»

Он оглянулся, вопросительно посмотрел на сестру:

– Мила, ты слышишь?

Та непонимающе пожала плечами:

– Не придумывай, пошли.

Однако брат развернулся и побежал домой.

– Куда ты? – крикнула сестра, но мальчишка уже скрылся за воротами.

Запыхавшись, Мишка влетел в дом.

– Мама, ты звала меня? – радостно выпалил он.

– Что ты, Мишенька, как я могла? Может быть, только в сердце, но этого ты слышать не мог.

– Я услышал, я услышал тебя! Помнишь, как много лет назад я услышал твой зов, когда дядя Ваня забирал меня к себе?

– Тогда я действительно кричала и звала тебя.

В тот год зима была уж слишком свирепой. Морозы как начались в ноябре, так и продолжались уже третий месяц. Окна были покрыты толстым слоем льда и снега, чугунная печка, что стояла возле русской печи, топилась круглосуточно, да и русскую протапливали два раза в неделю.

На улицу Мишка выбегал только по нужде. Местом постоянных его посиделок была русская печь. Тепло, которое исходило от неё, притягивало, словно сладость.

Единственная деревенская улица была занавешена плотными клубами белого морозного марева, так что и в двух шагах человек, идущий впереди, исчезал, словно испарялся, и только скрип подошв и отрывистое дыхание свидетельствовали, что это не мираж.

Сестрёнки прибежали из школы задышающиеся от мороза, долго отогревались у печки, растирая ладошками щёки, постепенно начинали обмениваться впечатлениями. Мама возвращалась, когда сумерки осаживали дом плотным тёмным покровом. Она брала керосиновую лампу и шла доить корову – единственное богатство семьи.

Ужинали поздно, уставшие и молчаливые. Мишка пытался о чём-то расспросить, но получал в ответ короткие фразы или просьбу помолчать.

В конце февраля мороз отступил. Исчезла едкая маревая пелена, обволакивающая деревню, солнечные лучи победоносно прожгли её, пробившись к земле, и освобождённая природа сразу потянулась навстречу солнцу. Всё ожило, возликовало в сиянии подтаявших и заискрившихся сосулек и льдинок. Оттаивали и людские души. На улицах появилась ребятня, летящая

на лыжах с угоров*, кричащая от избытка радости при взятии снежных крепостей, сооружённых вместе со старшими братьями и сёстрами, так же истосковавшимися по солнечному свету, мягкости снега и ясности небес.

Вот в такое время к Карнауховым приехал дядя Ваня, материн младший брат. Жил он в низовьях Илима, почти при самом его впадении в Ангару. Они с женой трудились в колхозе, воспитывали двух дочерей.

Вечером перед самым ужином Иван с Анной о чём-то долго говорили. Иногда мать утирала платком глаза; её брат, насупившись, молчал.

Часто Мишка слышал своё имя, но неотложные разбирательства с котом не давали ему возможности прижаться к матери и подслушать разговор взрослых.

После ужина мать подозвала сына к себе.

– Мишенька, – начала она необычно ласково, – ты поедешь в гости к дяде Ване.

– С тобой, мама?

– Нет, сынок, я, может быть, летом приеду. – Она прижала сына к себе. – У дяди Вани тебе будет хорошо.

– А там рыбалка есть?

– Там всё есть, – буркнул дядя Ваня, в неуверенности потирая свой лоб. – Ладно, собирай сына в дорогу, а мне постели где-нибудь, а то голова раскалывается, да и утром надо пораньше выезжать.

Мишка, обрадовавшись поездке в «дальние страны», почувствовал холодок в словах дяди и примолк.

Уже ночью, когда все легли спать, он стал выпытывать у матери:

– А что, я у дяди Вани буду жить один?

– Ну как один, у него дочки есть, они чуть постарше тебя.

– Я не об этом спрашиваю. А тебя со мной не будет?

– Нет, не будет.

– А как же я?

– Ты будешь взрослеть, мужать, там больше достатка, чем у нас.

– Достатка? А что это такое?

– Достаток – это когда и еда есть, и одежда.

– Но у нас тоже всё есть.

Мать прижала его голову к груди, поцеловала в лоб:

– Спи, Мишенька, завтра утром рано вставать.

* Угор – высокий берег реки.

Его разбудили, когда все уже сидели за столом. Сестрёнки знали о поездке и, убегая в школу, по очереди поцеловали его, напутствуя вести себя достойно на новом месте жительства, не хулиганить.

Собирались быстро. Покидав вещи в сани, усадили туда Мишку, укрыв огромным меховым тулупом.

Мать на прощание прижала сына к себе, и он вдыхал родной и такой любимый запах земляники, который исходил от её волос. Ему так хотелось забрать его с собой.

– Анна, пора, – услышал он голос дяди.

Мать оторвала от себя сына, поправила на нём тулуп, и санные полозья заскрипели по намороженной дороге. Когда стали спускаться с угора, чтобы въехать на «магистраль», раскатанную по льду на середине реки, Мишка явно слышал: «Миша, Мишаня».

– Дядя Ваня, – тронул он рукой спину дяди.

– Что такое?

– Похоже, мама зовёт меня.

Иван остановил лошадь, но криков не услышал.

– Это, Мишка, показалось тебе.

– Ничего мне не показалось, – настойчиво сказал мальчик.

Иван вздохнул и прикрикнул на лошадь:

– Ну пошла, каурая!

В это время из-за поворота показалась Мишкина мать. Она бежала по следу саней и из последних сил кричала:

– Иван, остановись!

– О господи, наверняка чего-то забыла, – неодобрительно вздохнул Иван.

Их разделяло метров триста, но Анна бегом, так быстро, словно её кто-то подгонял, догнала повозку. Фуфайка её была расстёгнута, платок сполз на плечи, от разметавшихся волос, от неё всей шёл пар, тотчас индевеющий на голове, на одежде. Издали казалось, что она облачена в белые покровы.

Подбежав, мать не могла говорить, только тяжело дышала. Отдышавшись, схватила в охапку сына, рванувшегося ей навстречу. Посмотрев на брата, быстро и беспрекословно выпалила:

– Прости, Иван, не отдам я Мишку.

Иван подошёл к сестре:

– Голову и грудь прикрой, застудишь. Ну а Мишку... – Он повернулся к саям: – Тебе решать. – Подал вещмешок с Мишкиными вещами,

добавив: – Эх, Аня, Аня, говорили вчера, говорили, а ты опять за своё. Девоч кормить нечем, сама отошла, ходишь как тень. – Потом кивнул на мешок: – Донесёте? Возвращаться – плохая примета.

– Донесём, Ваня, донесём, чего там нести, – радостно затараторила мать.

Анна и Мишка, прижавшись друг к другу, неотрывно смотрели на уменьшающуюся вдаль санную повозку, до тех пор пока она не скрылась за Красным Яром.

– Пошли, моя роднулечка.

Мать закинула тяжёлый вещмешок за плечи, и они легко зашагали домой...

– Мама, скажи ты ему, что пора прощаться, ведь опоздает на самолёт. Из-за него рейс не отменят, – громко, от самого порога переходя на крик, потребовала Мила.

– Миша, пора, родной.

Анна погладила его по руке. Слёзы уже не застилали её глаз. Они стали глубоки и пристальны, казалось, мать пыталась вобрать образ сына в глубину изболевшейся, но не померкнувшей души. В эту минуту умирающая женщина была озарена неведомо откуда взявшимся сиянием. Это был свет нерастраченной любви, сияние её собственной души.

– Мама, может, я останусь с тобой?

Она резко отвернула голову к стене; рыданий слышно не было, но её плечи содрогались.

– Не плачь, мамочка, не плачь, я пойду.

Мила показала ему кулак, покачала головой. Он поднялся, не зная, что делать. Больно было смотреть на плачущую мать, он был в таком состоянии, что мог в любой миг закричать, завывать позвериному. Боль рвущейся нити родства между ним и матерью была настолько нестерпимой, что мальчика стали покидать силы. Анна, чувствуя это, повернулась к нему, утёрла свои слёзы платочком, и её лицо засияло всепобеждающей любовью.

Улыбаясь, мама тихо, но отчётливо попросила:

– Миша, сынок, наклонись ко мне.

Мальчик встал перед матерью на колени, их глаза оказались рядом.

– Родной мой, дороже тебя у меня никого нет, мне трудно расстаться с тобой. Но так будет лучше. Умоляю, поезжай. Не делай мне больно своим упрямством.

Подросток сдержанно поцеловал мать в щёку, резко поднялся с колен и стремглав вырвался на улицу.

Мила догнала его у самой воды. Видавшая виды лодка, готовая к отплытию, покачивалась у лавницы. Сестра положила вещи, сама села посередине, и Мишка, привычно оттолкнувшись длинным веслом, направил свой немудрёный транспорт против течения. У берега течение было слабым, и лодка быстро побежала вперёд.

Мила молчала, у Мишки тоже настроения для разговора не было, мысли, сменяя одна другую, были новыми, неясными. То он с жалостью думал о матери, и тут же его обуревала радость оттого, что он полетит на самолёте. Жалел, что не поедет в этом году на сенокос. Теперь он мог бы косить наравне с мужиками! Мишка даже ноздрями затрепетал, представив, как сочная трава под его косой ложится ровным рядом на зелёное покрывало луга, раскинувшегося вдоль берега таёжной речки Тушамы. И тут же в голове возникала другая картина: в городе он пойдёт в цирк и увидит настоящего слона. Он гнал эти мысли, вспоминая о матери, её болезни. Как она там сейчас? Наверное, плачет. И опять перед ним рисовались чудные картины города, куда он направляется. В мыслях подростка видения сменяли друг друга, и было трудно думать о чём-то одном, на чём-то одном сосредоточиться.

Переплыли Илим, к берегу пристали у скобяного магазина. Сестра, перехватив весло из рук брата, напутствовала:

– Не забывай нас, Мишаня, осенью встретимся. Смотри там, в городе... И письма пиши, мать будет ждать...

Взяв свой маленький фибровый чемоданчик, Мишка пошёл в школу, где собиралась вся группа для поездки на областной слёт. Он шёл по центральной улице райцентра, давно ему знакомой, мимо восхищающего классической строгостью двухэтажного дома, где располагался райисполком. Рядом скромное здание почты, в зимние дни они с приятелем отогревались здесь перед окончательным марш-броском к дому. Поблизости, чуть в глубине, чайная. Она, привлекающая к себе сладким ванильным запахом выпечки, запомнилась столами, покрытыми вышитыми белыми скатертями, и вкусными макаронами, экономно политыми чайной ложечкой растопленного сливочного масла. За чайной, в самом центре села, Дом культуры. Это был, без преувеличения, центр мироздания. Всё в жизни селян самое значимое, дорогое для памяти и радостное для сердца проходило именно здесь. Празд-

ничные концерты и театральные постановки, в которых Мишка непременно участвовал, кинокартины, танцы, собрания... С каким желанием сюда стремились люди!

Уверенные равномерные Мишкины шаги резонансно усиливались деревянным покрытием тротуара, сколоченного из сухих лиственничных досок, и, казалось, были похожи на метроном, отсчитывающий последние мгновения детства, из которого он сегодня уходил. Всё оставалось позади: мама, река Илим, райцентр и деревня, где прошла вся прежняя, наверное, лучшая часть Мишкиной жизни.

Но Мишка этого не понимал и об этом не думал. Откуда парню было знать, что он переступает через незримую, обязательную для каждого человека границу между отрочеством и юностью? Но не той юностью, где молодой человек абсолютно свободен в выборе дальнейшего жизненного пути, а юностью как началом взрослой жизни, первой её ступенькой. Ещё вчера всё зависело от того, как решит и что скажет мама. Учитывалось и мнение окружающих, ведь не всегда и не все промахи и недочёты прикрывались маминой мудростью. Теперь он один, а его главные советчики – собственная совесть и знания. И нельзя забывать о том, что окружают десятки чужих, равнодушных к твоей судьбе людей.

За Мишкиной спиной громоздился Красный Яр. Огромная красно-коричневая стена. Эта стена защищала, объединяла и роднила всех, кто жил под её материнской сенью, под этим природным щитом. Яркий гладкий отвес скалы был виден отовсюду, любоваться им можно было до бесконечности, поверять громаде самое сокровенное, разговаривать, как с живым человеком. В отдалении возвышалась Качинская сопка, вечная и таинственная, словно маяк среди океана таёжных лесов, стремящихся к горизонту. Издалека не было видно промежутков между деревьями и тайга казалась монолитом, символизирующим незыблемость и величие бытия. А у подножия этого нерукотворного памятника жизни трепетали на ветру таёжные цветы и травы. Их доносившиеся ароматы сегодня казались Мишке особенно насыщенными, терпкими. Они обволакивали всю фигурку подростка, вливались в нос, проникали в кровь, запоминались сердцем. Природа как будто настаивала, чтобы эти ощущения надолго сохранились в памяти мальчика, уходящего не только из детства, но из самого мира, где это детство протекало.

102

Самолёт Ли-2, разбежавшись по грунтовой полосе, взлетел и сделал круг над деревней. В иллюминатор Мишка увидел свой дом. Отсюда, с высоты, всё казалось маленьким, игрушечным. Дом стоял на краю деревни, справа пылила дорога, и он хорошо видел несколько повозок, едущих на Малую речку. Деревня как на ладони. От домов к реке спускались тропинки. В воде стояли лавницы, к каждой из них была привязана лодка. Он разглядел и свою лодку. «Мила уже вернулась домой», – подумал он.

У Малой речки Илим делал крутой поворот и мимо высокого песчаного берега бежал в тайгу. Самолёт, покачиваясь, ещё раз сделал круг над селом и деревней. Мишка смотрел в иллюминатор, стараясь до мельчайших подробностей запомнить картины родных мест.

Сверху хорошо была видна часть деревни, но как ни пытался мальчик разглядеть свой двор, уже не получалось. Да и надо ли? Ведь он уже попрощался со всем. Теперь это его прошлое. Впервые в жизни Мишка понял, что это такое. У него появилась личная история и воспоминания. Самолёт пролетел над Кулигой, Малой речкой, просекой, ведущей к Россохе. Через мгновение исчезли все знакомые места.

Воздушная машина выровнялась, и под её крыльями на сотни километров потянулась тайга с редкими зимовьями. Она казалась монотонной и бесконечной, как океан, не верилось в то, что рано или поздно леса расступятся и в сиянии вечерних огней появится древний Иркутск.

Миша ещё некоторое время с любопытством посматривал вниз, потом стал прислушиваться к своим сверстникам. Стараясь перекричать гул двигателя, ребята громко разговаривали, радостно делились впечатлениями. Потом притихли: казалось, каждый задумался о прошлом или грядущем...

НАСЛЕДСТВО

Уже месяц Мишка жил у брата в шахтёрском городке под Иркутском. Из любопытства и желания побольше увидеть и узнать он исходил Черемхово вдоль и поперёк. Городок, объединивший несколько шахтёрских посёлков в одно целое, был зелёным, архитектурно гармоничным. Деревья росли между бывшими населёнными пунктами, деля их на микрорайоны с многоэтажными домами. Частный сектор представлял собой сплошное море зелени, из-за которой не видно было даже крыш усадебных домиков.

Бывшие посёлки объединяла асфальтированная дорога, она же центральная улица города, она же часть Московского тракта. В праздники колонны демонстрантов шли по ней к площади, где стоял памятник Ленину, а по вечерам улица служила любимым местом прогулок окрестной молодёжи. Здесь знакомились, влюблялись, демонстрировали обновки, сплетничали, дрались – словом, шла обычная уличная жизнь.

Каждый квартал-посёлок мог существовать автономно, там была собственная, как сказали бы сейчас, инфраструктура: больница, кинотеатр, школа, магазин. В центральной части города стояли общегородские постройки: горком партии, техникум, филиал института.

Транссибирская магистраль не разрезала город надвое, как часто бывало в сибирских городах, а проходила сбоку. Электрички останавливались в каждом посёлке, что являлось благом для местных жителей. Шахт в городе было много, все они соединялись друг с другом и центральным вокзалом железнодорожными путями, по которым беспрерывно сновали паровозы – пылящие, чумазые, изрыгающие клубы чёрного дыма. Да что там дым, из труб паровозов вылетали вместе с искрами даже кусочки горящего угля. Все железнодорожные пути и окрестности всегда были покрыты слоем угольной копоти, и даже ливни, которые частенько здесь бывали, не могли её смыть.

Улицы и переулочки, ведущие к центральной дороге, проходили через подъездные пути, и человек, уходящий из дома в белой рубашке, возвращался вечером в серой. Особенно это огорчало девчонок, бегающих в клуб на танцы в светлых платьицах.

В этом рабочем краю было большое количество стадионов. Не просто спортплощадок, а настоящих стадионов – с трибунами для зрителей и хорошим покрытием поля. В Черемхово их было несколько, при каждой шахте. Они никогда не пустовали. Мишка участвовал в спортивных баталиях с первого дня приезда. Чаще всего гонял в футбол.

Но самое большое впечатление на него произвёл городской парк. Ему, таёжному жителю, привыкшему к дикой, естественной природе, было странно видеть среди лесного массива подстриженные кусты, ухоженные деревья, аккуратные, посыпанные песком дорожки, лодочную станцию на пруду, большую концертную площадку с диковинной сценой-раковиной и ровны-

ми рядами скамеек перед ней. А особенно Мишка поразили качели. Деревенские по сравнению с этими казались игрушечными.

Не случилось такого дня, чтобы Мишка не побывал в парке, не зашёл на концертную площадку, не покатался на качелях. Здесь у него появились любимые места: вместительная беседка, где он наблюдал шахматные баталии, или скамейка перед сценой, где почти каждый вечер проходили концерты местных артистов-любителей. Бывало, заезжали и областные гастролёры.

Иногда Мишка вспоминал деревню, но его новая жизнь была такой насыщенной, что прошлое забывалось совершенно, и только перед сном всплывал в памяти родной двор, сеновал, огород, который в этом году стоял пустой, нераспаханный, наверное, весь заросший сорняками и крапивой. Чаще всего вспоминал маму, их последний день, её исхудавшие руки, сияющие родные глаза, даже издали озарявшие Мишкин путь. Каждую неделю он писал домой письма, рассказывал о новой городской жизни, спрашивал о здоровье, но ответов не получал. Каждый день он подбегал к почтовому ящику, но, кроме газет и разных официальных писем для брата, там ничего не было.

Брата Мишка видел редко. Когда младший просыпался, старший уже уходил на шахту. Работал он бригадиром навалотбойщиков. Бригада его была знаменита, постоянно выполняла и перевыполняла нормы по добыче угля, поэтому, как было принято в то далёкое время, брат избирался во многие органы власти. Был он и депутатом горсовета, и членом горкома партии, а также ещё нескольких организаций и объединений. Потому встречи братьев случались короткие, а разговоров по душам между ними не происходило вообще.

В доме хозяйничала жена брата. Мишка удивлялся: как эту некрасивую, шипящую, словно гусыня, женщину, мог выбрать Николай? Всё в ней было отвратительным: выпученные глаза и белёсые ресницы, толстый мясистый нос и слюнявый, никогда не закрывающийся рот. Говорила она громко и, казалось, без остановки, речь её обладала таким же изяществом, как пение известной героини басни, выронившей сыр. А уж понять, о чём она говорит, было просто невозможно.

Мишка давно заметил: почти у всех некрасивых людей несносный характер, они злы, обидчивы, завистливы. Всё это в полной мере отно-

силось и к жене брата. Профессии у неё не было, она никогда не работала. Приехала из Москвы в Сибирь, к дальним родственникам, чтобы найти мужа. Нашла. Но почему мужем оказался его брат, Мишка так и не понял. Однако сразу, с первых же минут общения, почувствовал её жгучую ненависть. Он пытался не обращать на это внимания, старался меньше бывать дома, болтался с новыми друзьями по улицам городка, придумывая себе занятия и развлечения. В жаркие дни ребята убежали на карьеры, где от родников образовались чистойшей воды озёра, и закупывались до пупырышек. Никогда ещё Мишка не купался так много: в холодных сибирских реках, таких как Илим, не очень-то плещеаешься. А вечером в его адрес звучала отборная брань. Каждое утро невестка, как мачеха в сказке про Золушку, давала ему кучу заданий и поручений, выполнить которые было практически невозможно. Выходить из дома мальчику разрешалось только после выполнения всех дел.

Но он убегал, не обращая внимания на крики ненавистной родственницы. Быстро привыкнув к её ругани, Мишка стал относиться к унижениям и обидам с презрительным смирением, чем приводил хозяйку дома в бешенство. Жизнь вокруг была настолько ладна и увлекательна, что злоба невестки не могла загасить в душе мальчика восторг бытия и охладить его стремление к познанию мира. Оставаясь один, Мишка философски говорил сам себе: «Ну не может же всё быть хорошо...»

Восемнадцатого июля (Миша на всю жизнь запомнил эту дату!) в пять часов утра какая-то непостижимая и непреодолимая внешняя сила заставила его подняться с постели. Никогда, даже в деревне, он не просыпался так рано, а уж если возникала подобная необходимость, то будили всей семьёй, брызгали на него холодной водой, подёргивали за ухо. Сегодня всё было иначе. Миша сам открыл глаза, сон с него спал, как тёплое одеяло, соскользнувшее на пол. Хотя мальчика немного знобило, он вышел на крыльцо не одевшись.

Рассвет золотой рыбкой плескался в ещё густой синеве небесной акватории, но уже выбрызгивался за ограничивающую линию горизонта. Над домами плыла розовая вуаль утреннего тумана. Миша сидел на крыльце, положив голову на резные перильца, задумавшись. Потом задремал и не видел, как лучи солнца освещали

тили сонный городок, проникли в просторные дома и тесные бараки, собачьи конуры и под крышу сцены-раковины в просыпающемся парке. В солнечную симфонию этого утра гармонично вливались блики стёкол открывающихся окон в многоэтажных домах и мерцание слюдяных прожилков породы, выброшенной в высокие горы – терриконы.

Брызнули запахи пробудившихся цветов, их сладковато-приторным благоуханием пропиталась округа. Слепящие лучи солнца разбудили голубя, дремавшего на корявой ветке старого тополя. Нарастая, как гул надвигающегося шторма, по всему видимому пространству разлилось победное ликование созвучного птичьего пения.

Миша пропустил приход нового дня, преобразившего всю его дальнейшую жизнь: не слышал криков петухов, гулких ударов копра, забивающего свай около центральной электростанции. Днём шума стройки обычно не было слышно из-за маскирующих его непрерывно снующих, гудящих, шипящих паровозов. Но ранним утром удары копра слышны были хорошо, они разносились окрест на несколько километров, символизируя бурление рабочей жизни, ритмы стройки, надежды молодости.

Не испытывая неудобства, Миша дремал, обняв перила крылечка, как вдруг почувствовал, что кто-то рядом присел на ступеньку, обнял его за плечи и поцеловал в висок. Миша, вздрогнув, удивился: кто бы это мог быть? Ведь так его целовала только мама. Он открыл глаза. Никого не было. Солнечные лучи пригрели его, мальчик закрыл глаза и опять окунулся в дремоту. И снова кто-то поцеловал его в висок. «Может, это сон? – подумал Миша. – Ну, конечно, я сплю, мне всё это снится. Как может оказаться здесь мама? Ведь она так далеко». Но теперь он почувствовал на своих плечах чьи-то ласковые руки, уловил лёгкое дыхание.

– Мама, это ты? – спросил удивлённо Миша.

– Здравствуй, Мишаня.

Голос прозвучал тихо, но настолько явственно, что сомнений не осталось. Этот голос он узнал бы из всех голосов мира.

– Мама! – тихо позвал он.

– Я здесь, Миша, здесь...

– Но я не вижу тебя.

– А ты и не можешь меня увидеть.

– Почему?

– Потому что я умерла и теперь буду существовать в новом мире, под новым небом. Но я

не могу отправиться ко Всевышнему, не повидавшись с тобой.

– Да что ты, мама, всё это сказки. Нет никакого другого мира, никакого Всевышнего нет.

– Не торопись с такими суждениями. С возрастом поймёшь свои ошибки. Какое счастье, что я тебя увидела! Но я чувствую себя виноватой, что не смогла отдать тебе всего, что могла и хотела, что не сумела поставить тебя на ноги, оставила беспомощного мальчишку сиротой. Болезнь оказалась сильнее. Но будь уверен: в трудные минуты жизни я буду рядом.

– Я не верю в сказки, мама.

– Как тебе живётся у брата, Миша?

– Не могу привыкнуть. Вхожу в дом, а тебя в нём нет. Только эта гадюка невестка. Днём ещё ничего – убегаю из дома, а по вечерам крики, ругань. Не знаю, как мне жить.

– А что же Николай? Неужели он не может дать укорот жене? Он-то хоть знает, как она к тебе относится?

– Я его почти не вижу. Я так решил: окончу восемь классов, поступлю в строительный техникум в Иркутске. Окончу, буду работать, а потом в институт. Ты же знаешь, в школе я был лучшим учеником...

– Знаю, сынок. Я всегда тобой гордилась. Береги себя и меня не забывай. Я не оставила тебе материального достояния. Но наша сегодняшняя встреча будет тебе от меня тем ценным даром, тем свидетельством бессмертия духа человеческого, которое откроет тебе истинные смыслы человеческой жизни. Это моё наследство. Оно станет тебе руководством во все дни трудной, долгой и счастливой жизни.

Миша открыл глаза, но разглядеть ничего не смог: ослепительное солнце пристально смотрело на него. Мальчик встал, держась за перильца, и ещё раз внимательно оглядел крыльцо. Ничего необычного не заметил. Тогда он жалобно всхлипнул: «Мама!»

Тишина. Но ведь только что он разговаривал с ней. Растерянно Миша прошёл по дорожке к летней кухне и там несколько раз окликнул маму. Ответа не было.

Он вошёл в дом, разбудил брата:

– Коля, мама умерла.

Брат спросонья переспросил:

– Какая мама?

– Наша любимая мама!

– Что это ты придумал?

– Она только что была здесь.

105

Николай с изумлением и тревогой вглядывался в лицо младшего брата, вероятно, пытаясь разглядеть признаки нездоровья.

– Она была здесь. Мы сидели на крыльце, разговаривали, но я не видел её, узнал по голосу. Она сказала, что всех, кто на том свете, увидеть невозможно.

– Может, тебе это приснилось?

– Я разговаривал с мамой, – упрямо повторил Миша.

Невестка тоже проснулась, при последних словах ненавистного нахлебника повертела пальцем у виска. Миша со слезами выбежал из комнаты.

В полдень почтальон принёс телеграмму, в ней было только три страшных слова: «Мама умерла ночью».

ТРУДНАЯ ВСТРЕЧА

Время – та таинственная, труднодостижимая категория бытия, которая, кажется, не может быть точно выражена никакими законами. Время может тянуться и мчаться, ускоряться и замедляться, даже становиться неподвижным. Образ неподвижного времени, точнее, бытия в Боге известен нам по русским иконам. В границах личного жизненного опыта время поддаётся приблизительному осмыслению только как часть ¹⁰⁶вневременного бытия. Связанное с движением, развитием и отдельной человеческой жизни, и всей Вселенной, время имеет Божественные закономерности, постигаемые не столько рациональным умом, сколько путём развития души, стремящейся к укоренению не в преходящем мире, а в вечности.

Долго и трудно такое понимание времени, а точнее смысла жизни, обреталось Михаилом. Четвёртый десяток лет он живёт и работает в Санкт-Петербурге. Позади учёба в техникуме, работа, опять учёба, но уже по вечерам в институте, и работа, работа. Встреча с любимой женщиной, создание семьи, рождение дочерей.

Сначала казалось, что случай выбрал его из десятков таких же, как он, молодых, упорных и поставил во главе строительного управления. На важнейшей стройке страны. Случай помог преодолеть многочисленные преграды, связанные с получением жилья в Северной столице во времена советской империи. И то, что другим людям приходилось решать эту основную жизненную проблему десятки лет, а ему удалось быстро и без особого напряжения, верилось, произошло по воле случая.

Жить Михаилу в Питере, особенно в первые годы, было трудно. Он скачал по щедрому сибирскому солнцу, землякам-сибирякам, общительным и понятным, алмазным сибирским рекам и благоуханным цветам. Низкие тяжёлые облака, холодные ветры, непрерывные дожди – всё это раздражало, заставляло с грустью вспоминать край своего детства и юности. Да и люди здесь казались более замкнутыми, обособленными, ревниво оберегающими свой душевный мир.

Однако интересная работа, сложнейшие объекты, которые не имели аналогов на всём белом свете, блистательной красоты город смягчали ощущения и впечатления, и всё постепенно становилось родным. Молодость любопытна – Михаил выкраивал время на прогулки по городу, посещение музеев и театров.

Он разделил Питер на два города: исторический и обыкновенный, типовой, каких сотни в стране. Типовые кварталы для простоты называют спальными районами. Вначале и Михаил с семьёй жил в таком районе, но через несколько лет переехал в центр, в настоящий Петербург. Жить в исторической части города нелегко – как будто живёшь в музее, всё на обозрении. В спальных районах тоже не лучше: большая скученность, неудобный транспорт. Чего стоит одна дорога с работы до дома! Однако он не задумывался обо всём этом: не было времени. Смысл его жизни была работа.

Работа, упорство и настойчивость – самое главное в профессии строителя. Михаилу стали поручать всё более значимые объекты, связанные с обороной страны. Он гордился подобным доверием и оправдывал его. Дома его не видели сутками. Но это сверхнапряжение делало его сильным, выносливым и уверенным в себе человеком. Он поднимался по служебной лестнице, получая колоссальный опыт и вкладывая его в очередную ответственную должность. Пришло время, когда Михаилу доверили руководить крупнейшим коллективом, выполнявшим сложнейшие строительные задачи. Времени на семью оставалось совсем мало. Спасибо любимому человеку, другу, жене Нине, которая понимала и заботилась о нём, взяв всю домашнюю нагрузку на себя.

Он не заметил, как две дочки окончили школу и стали невестами, вышли замуж и подарили ему четырёх внуков. Вдруг неожиданно для всех развалилась великая страна, никому стали

не нужны цеха и заводы, где выпускалась военная продукция, перестали требоваться стране и сами строители. Появилось время. Михаил понял, что большая часть жизни прожита, ему уже за пятьдесят. Есть возможность уйти на отдых, жить на даче, писать воспоминания и наконец-то добраться до могилки матери, что оказалась, как в старой сказке, посередине моря-океана. Это не фигура речи, это реальность двадцатого века, когда многие посёлки и деревни оказывались под водой в угоду невероятным коммунистическим проектам. Слава богу, материнскую могилу спасли, перенесли на высокое место.

Однажды он отважился, полетел на родину, но не добрался: помешала погода. Вернулся и снова окунулся в дела. Да и как уйдёшь от них? Общество стало новым, к власти пришли другие правители. Прежние-то мало заботились о людях, всё больше на словах, а новые и про слова забыли, занялись только собой. Пенсии стали такими экономными, что жить на них невозможно и умереть нельзя: денег не хватит даже на простенький гроб и могилу. Какой уж тут отдых – тяни лямку, пока не упадёшь. Но люди верят, надеются, ждут лучшего, как и во все времена.

Михаил поседел, постарел, набрался жизненного опыта, научился думать и анализировать. Вместе с этим приобрёл множество возрастных болезней, от которых, увы, никуда не деться. Человеческий организм, как и любой механизм, имеет свойство изнашиваться: какие-то детали выходят из строя, что-то требует замены. Ничего нового в жизни не происходит, всё как у всех: детство, отрочество, юность, зрелость и старость. Только у каждого своя задача, поэтому свой срок существования на земле.

Несмотря на завещание матери, религия в жизни Михаила занимала едва ли не последнее место. Сказать точнее, вообще никакого места не занимала. Правда, он не был убеждённым атеистом, иногда в церковь заглядывал, но к церковным обрядам был равнодушен.

В Санкт-Петербурге многие церкви пережили богоборческую власть, многие сохранились с царских времён. Михаил любил ходить в собор Петра и Павла, который был почти ровесником города, здесь хоронили русских царей, начиная с Петра Великого. Часто бывал в Казанском соборе, когда-то главном общегородском храме, поражавшем величием и монументальностью, вековой историей, накрепко связанной с историей России. Но ни роскошь внутреннего убранства,

ни красота богослужения почему-то не трогали душу человека, десятилетия верно служившего Отечеству.

Вера в коммунистические идеалы мало затронула Михаила. От веры в Бога он оказался далёк по другим причинам. В родной деревне не было церкви, а это чрезвычайно много значит в воспитании ребёнка. Церковь могла благотворно воздействовать на детский ум, несмотря на оголтелую атеистическую пропаганду, которую вели в школе, клубе, газетах, журналах и книгах. Михаил оправдывал себя тем, что был равнодушен к вере, потому что все вокруг были атеистами. Ему внушили, что церковный пафос – лживый, искусственный, попы всё врут, Бога нет, космонавты летали, никого не видели... Ещё в юности Михаил увлёкся театром, и именно театральный пафос послужил для него эквивалентом искренности и правды. В театре проходила часть его жизни, удовлетворялись нравственные потребности души. Это увлечение наложило отпечаток и на чувства Михаила, и на мысли, и на способ их выражения.

У него не было желания покреститься, стать воцерковленным человеком, православным, посещать богослужения. Он даже никогда об этом не думал. Но однажды, неизвестно почему, Михаилу захотелось поехать на Валаам. Много лет назад ему неоднократно предлагали профсоюзную путёвку на святой остров на Ладожском озере, но он предпочитал в выходные дни отдыхать дома. В России об этом архипелаге в центральной части Ладоги знают многие. Утверждают, что нигде нет такой природы, как на Валааме, а хвойного леса, что растёт на чудо-островах, не встретишь во всей Европе.

И вдруг возникшее желание поехать в святое место было настолько для Михаила необычным, что жена с удивлением сказала:

– Миша, ты же столько раз отказывался от этой поездки!

– А сейчас захотел. Не знаю почему. Давай съездим.

Нина обрадовалась. Она тоже не была верующей, не соблюдала постов и обрядов православной церкви, однако давно хотела побывать на Валааме, потому что много читала о нём, своими глазами хотела посмотреть на тамошние чудеса и красоты.

Купили билеты и отправились в плавание. Ночью теплоход привычно преодолевал бурные воды Ладоги, которая встречала путешественни-

ков неприветливо, раскачивала корабль так, что скрипели перегородки и обшивка корпуса, в какую перемещались вещи. Ночью Михаилу не спалось, на землю Северного Афона он ступил уставший, разбитый, с большой головой. Несколько часов экскурсии умучили его окончательно. Михаил остановился вблизи уединённого краснокирпичного Воскресенского скита, состоящего из храма, двухэтажного келейного корпуса с мезонином и подсобного здания с баней. Горе-паломник признался жене, что отстаёт от экскурсии, здесь немного отдохнёт, посидит и подождёт группу, которая скоро сюда же и вернётся.

Михаил присел на лавочку, прислонился спиной к холодной кирпичной стене, ограждавшей скит. Блаженно вытянул ноги, прикрыл глаза. Задремал ли? Тишина на острове стояла такая проникновенная, что было слышно, как в ней плещутся стрекозы. В воздухе витал едва уловимый, очень знакомый, хвойно-смолистый, какой-то родной запах, но его принадлежность Михаил вспомнить не смог. Покрутив головой в поисках источника благоухания, он увидел подошедшего к нему, вернее, неожиданно возникшего монаха. Это был высокий мужчина, с ухоженной бородой, синими, как васильки, глазами. Монашеская одежда сидела на нём ладно, была чиста и аккуратна, можно сказать, она шла ему. Монах был ещё молод, на лице ни единой морщинки, выправкой напоминал бывшего военного. В левой руке незнакомец держал чётки, сделанные из деревянных брусочков, обтянутых кожей. Подряник прикрывала длинная без рукавов накидка с застёжкой у ворота. Мантия, как заметил Михаил, была из простой, грубой ткани. Всё одеяние было чёрным, как и положено. Однако в нём иннок не выглядел отстранённым от мира. Фигура молодого чернеца была статной, величественной, взгляд – умным, внимательным и строгим.

«Почему он сел рядом?» – смутился Михаил. По словам экскурсовода, местные монахи крайне редко общаются с мирянами. Улыбнувшись про себя, Михаил вспомнил свои детские представления о монахах и вообще о церковных служителях. Тогда он был твёрдо убежден, что скит – это нечто похожее на пещеру, где сидят монахи, никуда не выходят и фанатично молятся днём и ночью, без перерывов на сон и еду.

– Здравствуйте, Михаил, – вдруг услышал он негромкий твёрдый голос.

– Здравствуйте, отче, – автоматически ответил он и в знак почтения встал со скамейки, а в голове всколыхнулась мысль: «Господи, откуда он знает моё имя?»

– Знаю, – словно читая его мысли, сказал монах. – Жду вас уже с утра.

– Меня? – с трудом пролепетал Михаил, потому что в горле от волнения пересохло.

Повинуясь жесту монаха, присел рядом.

– Нет, вы не бойтесь и ни о чём плохом не думайте. Я ни с кем вас не перепутал, я ждал, чтобы напомнить: вам пора побывать на могиле матери.

– Чьей матери? – ошеломлённо выдохнул Михаил.

– Вашей.

– На Красном Яру?

– Да, там.

Почтенного возраста мужчина смотрел на молодого монаха даже не с удивлением, а с полным непониманием. Слова и мысли в это время вихрем проносились в уме, но зацепиться за какое-то доказательство реальности и остановиться не могли. Он был удивлён, растерян, напуган. Его, прожившего такую длинную и непростую жизнь, трудно было чем-то удивить. Особенно сегодня, в новой стране с её абсурдными реалиями. Михаил был материалистом и вполне доверял научному знанию. Он не понимал и не принимал мистики, хотя бы потому, что достаточно насмотрелся на жуликов и шарлатанов, исцеляющих от всех болезней, привораживающих любовников.

Но чтобы такое случилось с ним... Вдруг отчётливо вспомнилось то трагическое летнее утро, когда мать, незримо прощаясь с сыном навсегда, предсказала маленькому Мише трудную, но долгую и счастливую жизнь. И ведь это её предсказание сбылось. А ещё она говорила о бессмертии человеческой души, об истинном смысле жизни. В сердце Михаила стало проявляться и крепнуть новое или, вернее, давнее, но забытое, пока неотчётливое чувство – веры в высшие миры и святые смыслы.

– Побывайте у матери до сентября. Она об этом очень просила, она будет ждать вас, – строго повторил монах, поднялся со скамейки и направился к скиту.

– Вы встречались с ней? А она об этом именно вас попросила? – вслед ему торопливо говорил Михаил, понимая смехотворность своих вопросов.

108

Монах остановился, внимательно посмотрел на Михаила, перекрестил его и негромко добавил:

– Ответы на эти вопросы ищите сами. Ищите спасения.

Через мгновение, как показалось Михаилу, монах скрылся, вернее сказать, исчез – так же быстро и таинственно, как и появился. Михаил застыл, а опомнившись, хотел догнать чернеца, но слышались голоса: это группа, где была жена, возвращалась с осмотра.

– Что с тобой? – поспешив к нему, спросила Нина, с беспокойством глядяваясь в лицо мужа. – Ты очень бледен. Сердце болит?

– Всё в порядке. Пока вы ходили, я посидел здесь на лавочке и достаточно отдохнул. Ты знаешь, я познакомился и поговорил с интересным человеком, монахом. Такой высокий, осанистый, с густой бородой, а глаза как у ребёнка – синие, доверчивые. Ты не встретила его? – с надеждой в голосе спросил Михаил.

– Нет, я никого не видела.

– Странно, он ведь пошёл вам навстречу.

Взрослый, заслуженный человек стоял рядом с женой как смущённый ребёнок. Он всегда доверял ей самые сокровенные мысли, но сейчас понимал, что не может и не должен рассказывать подробности неожиданной встречи – она, чего доброго, подумает, что у него помутился рассудок. Да и не только поэтому: мешала какая-то непреодолимая сила, как будто он дал кому-то клятву. Всё происшедшее было непостижимым – вопреки его понятиям, разуму, воспитанию. Михаила огорчало сознание того, что он никому не сможет поведать о встрече и странной просьбе монаха, невероятной по человеческим меркам осведомлённости. Откуда монах знает его имя? Откуда он знает, где могила его матери?

Медленно белый теплоход отошёл от причала. Медленно, покружившись над Монастырской бухтой, узкой полоской воды, глубоко врезанной в сушу, пролетел над островом прощальный корабельный гудок. Михаил, оставшись на палубе, поклонился изящному и простому храму Николая Чудотворца. Когда-то Александр Дюма, посетивший Валаам во время путешествия по России, сравнил эту церковку с драгоценностью, только что вынутой из бархатной шкатулки.

Потом Михаил перешёл на корму. Остров удалялся вместе с Поклонным крестом, установленным апостолом Андреем Первозванным. Ему показалось, что возле креста кто-то стоял

и смотрел вслед кораблю. Постепенно всё скрылось в сумеречной мгле. Чудесный Валаам, «предивный остров, древний и святой», оставил по себе тревожную память и мучительно-непостижимые и неразрешимые вопросы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

У каждого человека есть малая родина. Это не та большая страна, великая своей историей, могучая славными победами, страна с гуманными законами и непоколебимым в вековых устоях народом, а маленький клочок земли, где человек родился, произнёс первые слова, научился ходить. И куда бы в дальнейшем ни бросала его судьба, в памяти навсегда остаётся лесная тропинка, сенокосные поляны, заповедные места, шум идеально стройных высоких сосен, созданных Господом специально такими, чтобы человеку было удобно из них строить и дома, и корабли.

Михаил никогда не забывал родные места: реку Илим, Красный Яр, Качинскую сопку, речку Тушаму, Кулигу и единственную в родной деревушке улицу, вытянувшуюся вдоль крутого берега Илима. И, разумеется, знаменитую поляну. Ни в одном краю, да и во всём мире, пожалуй, не было такой красивой, располагающей к встречам поляны, как перед деревней Погодаевой. Место свиданий, игр, праздников, гуляний и собраний по самым разным поводам. По вековой традиции при встрече весны и осени на ней зажигали костры. Жгучая первобытно-языческая радость охватывала людей, они приплясывали, прихлопывали, пританцовывали. Так, скорее всего, безотчётно они выражали и радость бытия, и неразрывную связь с предками, исконной традицией. Сюда приходили прощаться, здесь давали клятвы, расставаясь. Но всё это осталось только в памяти.

В действительности у него нет малой родины. Нет кусочка земли, где была деревня Погодаева с длинной улицей вдоль реки, цветущей черёмухой, сияние соцветий которой, оттенённое зелёной купой листвы, проникало в душу, озаряя и умудряя её неизбывным светом любви и красоты. Нет деревенских палисадников с цветниками, нет и самих домов – добротных, рубленых по большей части из лиственницы, а значит, вечных. Нет той самой поляны, расположенной на краю деревни и являвшейся доброй предвестницей мирного человеческого жилища. Вышел из тайги, добрался до поляны – и ты уже

дома: слышны привычные звуки текущей жизни, от них, таких знакомых, душа начинает согреваться и ликовать.

Но однажды всё это исчезло, ушло под воду, словно легендарная Атлантида. Кому это понадобилось? Зачем илимская пашня, отвоеванная у тайги за триста лет по кусочку, по капельке, ушла под воду? Не понять безумцев, которые уничтожают чужой край, но невозможно простить тех, кто уничтожает собственную малую родину, прикрываясь заботой о людях и пустыми словами о «высших целях». Какие это цели, люди знают на собственном горьком опыте. Советская власть приобрела большой опыт в деле переселения не только отдельных граждан, но и целых народов.

Слова валаамского монаха глубоко запали в душу Михаила. Припоминая их, анализируя, Михаил убедил себя, что всё это ему приснилось. «Не могло же такого случиться наяву», – подказывал ему разум. Но сердце не соглашалось с этим категоричным выводом, как будто чувствовало иные горизонты бытия. Михаил был убеждён, что не засыпал ни на секунду, он помнил, как рассматривал окрестности, наслаждался тишиной. И вдруг появился этот странный монах, который знал о могиле матери на Красном Яру. Может, это материализовались его собственные мысли? Нет, в рациональной плоскости объяснений не находилось. Для иррациональных же предположений у Михаила не хватало духовного опыта. Поэтому он принял единственно правильное решение: надо ехать! Отбросил сомнения, возражения жены, думы о болезни. В голове стучало: «Надо ехать! Надо ехать! Надо ехать!»

От Питера до Красного Яра напрямик пять тысяч километров. Но это по карте. В реальности путь туда значительно длиннее, потому что идёт кругами. Сначала нужно добраться до Москвы. Самолёт из Питера в Иркутск стал редкостью, билет на этот рейс стоит в два раза дороже, чем через Москву. Почему и отчего это происходит, никто не станет объяснять. А если кто попадётся слишком любознательный и настырный, ему ответят: «Во всём виноват рынок».

От Иркутска до Железногорска-Илимского самолёты нынче не летают: не стало малой авиации. Видимо, тоже тому рынок причиной. Все самолёты и аэропорты уничтожены, они не нужны бедным людям в бедной стране. Осталась железная дорога, слава богу, в металлолом её пока не сдали. Да ещё автодорога, что была пробита среди тайги нашими предками. Как ни крути, чтобы

добраться до Красного Яра, нужно преодолеть семь тысяч километров. В один конец.

Сестра Мила из родных мест никуда не уезжала. Когда пришёл потоп, она перебралась в Новую Игирму, за сто километров от Погодаевой. Мила сумела перезахоронить мамини останки. Кладбище по распоряжению каких-то безумцев устроили на вершине Красного Яра, хорошо понимая, что добраться до него можно лишь двумя путями: на вертолёте или на катере. И тот и другой путь для простого народа дорог и труден. Сердце замирает от отчаяния, как подумаешь, что среди бескрайней водной глади, на величественном Красном Яру вынужденно пристроилось сиротливое кладбище его односельчан. Родственники наведывались сюда по великим праздникам – когда сил не было терпеть разлуку и душа просила пообщаться с родным человеком.

А прежде вершина Красного Яра была самым любимым местом сельских жителей: можно было увидеть далёкий мир, простирающийся на десятки километров окрест, поговорить со знакомыми земляками, родственниками, выпить стопку-другую, спеть песню. Но не звучат нынче песни, место это – место скорби, нелепый памятник человеческой глупости и бездуховности.

Михаил был у сестры только один раз, в марте восемьдесят девятого. Но тогда из-за непогоды и большого количества снега ему не удалось побывать на могиле матери. В тот приезд всё отталкивало его, всё было чужим, неприветливым, неузнаваемым. Да и о чём говорить: расчистили делянку в тайге, поставили дома, свезли людей из затопленных деревень и сказали: «Это будет ваша родина, любите её». Возможно, для тех, кто здесь появился на свет, это и станет малой родиной, но как быть с теми, кто ещё жив и хорошо помнит илимскую Атлантиду?

Семь тысяч километров остались позади. Михаил добрался до посёлка Брусничное. Теперь – по воде. Он стоял на берегу в ожидании катера и смотрел на реку. Вдали виднелись знакомые очертания Красного Яра. Одиннадцать километров отделяли от него. Но Михаилу казалось, что гораздо больше. Неумолимо в понятие пространства-расстояния встраивалась координата времени. А по его параметрам выходили совершенно другие расчёты. И не в теперешнем красивом посёлке, который построили уже без него, сейчас находился Михаил, заслуженно титулованный русский строитель, четырёхжды дед, дважды отец, глава дружной семьи,

а в той далёкой, прошлой детской счастливой жизни.

От деревни до Кулиги было три километра, до Малой речки – четыре, значит, сейчас он ближе к Россохе. Он ведь часто бывал здесь! Ходил за грибами и ягодами. Но где знакомые ориентиры? Справа Качинская сопка, она вечная, ей никакая вода не страшна, а если и она уйдёт под воду, Сибири не будет.

Катер тяжело преодолевал волны, в своё время на Илимe их называли валами. Михаил крепко держался за поручень, даже пальцы занемели. Вспомнилось, как когда-то мальчишкой, переплывая на лодке Илим, он смотрел на воду, в которой отражались облака, и казалось, что судёнышко плывёт не по воде, а по облакам, по небу, в самую его глубину. По каким-то только ему, когда-то очень наблюдательному мальчишке, известным приметам и ориентирам и теперь легко узнавались прежние места, даже те, которые оказались под непроницаемой толщей воды.

Вот знакомый распадок. Весной они пилили здесь сухостой на дрова и везли домой. Вот Малая речка, здесь он пас коров, рыбачил, мечтая о дальних краях. От Малой речки рукой подать до большого погодаевского поля. Он часто вспоминал колосющиеся рожь и пшеницу, а посредине – большой зелёный луг, где они с мамой заготавливали сено для коровы Зорьки. Он с косой идёт впереди, корова послушно следует за ним. Жужжит литовка, эти звуки ликованием наполняют его душу: наконец-то он помощник! Недолгая передышка, и Мишка, как взрослый мужик, протирает лезвие травой и профессионально лёгкими небрежными движениями точильного камня поправляет косу. И вновь жужжит коса, и вновь поёт душа...

А вот здесь, возможно, их огород. Он посмотрел на воду: ничего не видно. Всё скрыто тёмной водной толщей. Грустно, печально, жалко ту давнюю детскую жизнь, когда тебя любили и ты любил, когда и хлеб был вкуснее, и чай слаще, а впереди ждала долгая-долгая счастливая жизнь...

Вот и Красный Яр. Нет уже здесь праздничной поляны, всё заросло молодым лесом. Чуть заметная тропинка ведёт к кладбищу. Михаил медленно пошёл по ней. Всё вокруг было незнакомо. Но мысль, что он находится на Красном Яру, волновала и заставляла учащённо биться сердце. В просветах между соснами виднелась

густая синь воды, возмущаемая белыми барашками волн. Небо – чистой воды аквамарином. Больные лёгкие Михаила от воздуха, источника этого целебным небом, от благодатного хвойного аромата расправились, дыхание окрепло, закружилась голова. Путешественник присел на поваленное дерево, оно было тёплым.

Мамину могилку Михаил увидел во втором ряду от центральной дорожки. Встал на колени, обнял холмик, прижался к нему:

– Здравствуй, мама.

– Здравствуй, сынок. – Голос у матери был тихий, еле слышный. – Я знала, что ты придёшь.

– Прости меня, мама.

– За что?

– Я очень долго у тебя не был. Всё собирался, но дела не отпускали.

– Ну ты же здесь! Я молила Господа о нашей встрече, и Он привёл тебя ко мне.

– Да, мама, твою просьбу мне передал случайно встреченный на Валааме монах.

– Как ты живёшь, сынок?

– Живу как многие. У меня хорошая жена, двое детей, внуки. Я им рассказываю о тебе, о нашей деревне. А ты как живёшь?

– Скучно здесь, Миша. Очень редко здесь бывают люди.

– А зачем они тебе?

– А как же, сынок, с людьми-то веселее... Ты береги себя, Мишаня, не простудись. Одет ты уж больно легко, не по погоде...

Он ещё долго лежал на могиле матери, поглаживая ладонью земляной холмик, словно её родную голову. Потом встал, подошёл к краю обрыва, уцепился за тонкую молодую сосну и, наклонившись над обрывом, долго смотрел на то место, где была его деревня, пристально, до рези в глазах, словно хотел навсегда запомнить и унести с собой то, что было ему дороже всего на свете.

В середине октября Михаил получил письмо от сестры Милы:

«Здравствуй, мой дорогой Мишенька. Какое счастье, что мы побывали на могилке у мамы в конце августа. Буквально после нашей поездки погода стала портиться. На море пошли такие валы, что не только моторки, но и катера перестали ходить. Ко всем этим бедам восьмого сентября в районе Ярского залива утонул катер, на борту которого находилось восемь мужчин. Не могут найти ни следов катера, ни мужчин. Несмотря на ненастье, ищут. А погода

всё свирепей, уже снег пошёл, даже у нас он ранний, шуга по речкам поплыла, а при шуге какое плавание?*

Да никто и не плавает, МЧС запретило появляться на воде. А нам, наверное, Господь помог, назначил время у мамы побывать.

Целую тебя. Мила».

Михаил вышел на балкон. Ночь бережно обняла Петербург, в глубине неба светились звёзды. Он поднял голову, увидев падающую звезду, вспомнил монаха: «Откуда тот человек мог знать, что в сентябре я не доберусь до маминой

* Шуга – мелкий лёд.

могилки? Неужели и вправду люди способны знать о будущем? Неужели есть что-то большее за пределами сознания и времени, а может, это мама оберегает меня и ведёт по жизни, помогая обходить препятствия, предупреждая о них заранее? Конечно, мама! Только бессмертной материнской любви такое по силам».

И впервые Михаил перекрестился не механически, а с какой-то осознанной, великой благодарностью. И поклонился не только небу и всему миру, а чему-то надмирному, для него пока непостижимому, но, без сомнения, великому, милосердному и спасительному.

2012–2015 гг.

